

— Неверно, нельзя давать ему понять, что ты здесь, иначе тебе конец. — Лин Сяо, словно что-то вспомнив, внезапно замерла и, схватив Е Сюаньчэ за плечо, торопливо прошептала.

На берегу Байцзычжоу, в лучах морского бриза, слегка колыхались полы небесно-голубого халата. Широкий пояс из белого нефрита подчеркивал тонкую талию владельца. Его рука нежно гладила синего скорпиона, и в серых, безжизненных глазах, устремленных в одну точку, вдруг вспыхнул огонек. Уголки его равнодушных губ медленно поползли вверх, сложившись в самую мягкую улыбку.

Эта сцена напоминала нежное божество, ожидающее путника, вернувшегося из далеких странствий.

Небольшая лодка медленно причалила. Человек на борту, не дожидаясь швартовки, спрыгнул на берег и, шлепая по волнам, бросился к фигуре в небесно-голубом:

— Дядюшка Цзюнь! Дядюшка Цзюнь!

Цзюнь Мосяо сохранял мягкую улыбку. Он опустил на землю скорпиона, который от страха едва не развалился на части, и тот, обретя свободу, тут же зарылся в белый песок и больше не показывался.

Лин Сяо, ориентируясь на звук дыхания, бросилась вперед, но промахнулась и осторожно спросила:

— Дядюшка Цзюнь, это вы?

— Я, — тихо ответил Цзюнь Мосяо.

Лин Сяо, снова сориентировавшись, бросилась в объятия и, ощутив знакомый мягкий аромат, почувствовала такую безопасность и надежность, что страх перед недавней смертельной опасностью вмиг улетучился.

— До последней четверти луны еще семь дней, почему вы приехали так рано? — радостно спросила Лин Сяо, теребя край его халата.

— Это я должен спросить, зачем ты вдруг задействовала лодку Нишуй, — мягко ответил Цзюнь Мосяо, погладив ее по голове, все еще влажной от морской воды.

Когда его серый взгляд упал на окровавленные пальцы девушки, он слегка помрачнел. Он направил духовную энергию, чтобы прощупать состояние Лин Сяо, и улыбка мгновенно исчезла с его лица. В этот миг тысячи насекомых, прятаясь под землей, содрогнулись, а набегавшая волна внезапно откатилась назад и причудливо столкнулась с той, что шла следом.

— Да ничего особенного, просто захотелось выйти в море, убить пару чудищ и проверить, как продвигается моя техника Гибкой Нити, — весело ответила Лин Сяо.

— Вот как? — на лице Цзюнь Мосяо по-прежнему не было эмоций. — Похоже, успехи невелики. Посмотри на свои раны. Если бы не я, ты бы не успела освоить свою технику, как сама стала бы обедом для снежной акулы.

Говоря это, он незаметно рассеял холод, скопившийся в даньтяне Лин Сяо. Лин Сяо не видела его выражения лица и не заметила его действий, но уловила перемену в тоне и поспешила извлечь из мешочка с сокровищами тушу алой огненной акулы:

— Кто сказал, что моя техника плоха? Пусть я не справилась со снежной акулой, но эта столетняя алая огненная акула пала от моих пальцев!

Цзюнь Мосяо, чье лицо до этого было покрыто инеем, не сдержался при виде ее самодовольного вида. Он погладил ее по голове, но голос его остался холодным:

— Хм. Несколько дней назад я почувствовал, что кто-то потревожил массив молний. Этот человек смог повредить его. Ты видела его?

Лин Сяо остро почувствовала, что сегодня голос дядюшки звучит строже, чем обычно, и сердце ее забилось в бешеном ритме. Неужели он только что...

— Видела, — спустя долгое время ответила она.

— О? — Цзюнь Мосяо ждал продолжения.

— В тот день на Байцзычжоу действительно поднялся шторм, но когда я прибежала на берег, чужака уже сожрали насекомые, — Лин Сяо опустила голову, стараясь выглядеть так, словно рассказывает о пустяке.

— Правда? — в его голосе сквозило недоверие.

— Да! — твердо ответила она.

Воздух застыл в долгой тишине. Лин Сяо почувствовала, что ей холоднее, чем тогда, когда она была заморожена снежной акулой. Она медленно разжала пальцы, которыми держалась за халат Цзюнь Мосяо, и до крови закусил губу, не решаясь, как обычно, упрямыться после того, как разозлила его.

Вдруг она услышала тяжелый вздох Цзюнь Мосяо, а затем его голос — холодный, как всегда, но с ноткой бессильной нежности:

— Эх, Сяо-эр, не кусай губы.

Лин Сяо резко подняла голову, хотя и не видела ничего, ей хотелось взглянуть на него.

— Сяо-эр, ты же знаешь, я вижу всё.

Неизвестно, имел ли он в виду, что видит ее покусанные губы, или же то, что он заметил Е Сюаньчэ.

Ночь. Е Сюаньчэ тихо дрейфовал на поверхности моря. Он выбросил найденные камни и спрятал за пазуху только что обточенную вещицу. Он пробыл в воде уже три часа, но сигнала от Лин Сяо не было. Неужели она забыла о нем, увидев своего дядюшку? Странное предчувствие снова нахлынуло на него. Е Сюаньчэ тряхнул головой и нырнул в воду — что за глупости он себе напридумывал?

Едва он попытался успокоиться, как ощутил мощную волну убийственного намерения, от которой перехватило дыхание. Е Сюаньчэ вынырнул и увидел, что на спокойном море поднялся шторм, а гигантская волна несется прямо на него. Он успел лишь глубоко вдохнуть, прежде чем его с силой ударило о воду. Мощный удар заставил голову звенеть, он чувствовал себя беспомощной травинкой, которую швыряют морские волны.

Ночная вода была ледяной. С трудом выровнявшись, он почувствовал движение над головой и взглянул вверх.

В лунном свете он смутно разглядел фигуру в небесно-голубом халате, парящую над водой. Этот человек казался небожителем, сошедшим в мир смертных — такой отрешенный и гордый, он был недостижим.

Вдруг человек в небесах опустил взгляд и встретился с глазами Е Сюаньчэ.

Серебристо-белые зрачки были глубокими и яркими. В них не было мягкости луны, лишь ледяной холод, пронзивший сердце Е Сюаньчэ. В следующее мгновение флейта Иней, которую подарила ему Лин Сяо, необъяснимым образом выскользнула из-за пояса. Он попытался схватить ее, но в груди внезапно возникла тупая боль, словно кто-то сдавил его внутренности.

На мгновение его рука, пытавшаяся удержать флейту, схватила лишь брызги воды. Когда они опали, осталась лишь бесконечная тьма и холод в ладони.

Сердце словно вырвали, душа была готова поглотиться бездной. Сладкий привкус крови, который он подавлял, хлынул к горлу. Ледяная вода воспользовалась моментом и хлынула в рот, смешиваясь с горечью.

Когда он уже решил, что погибнет, белая тень подплыла к нему и повлекла наверх. Это был Сяо Бай, питомец Лин Сяо.

Когда Е Сюаньчэ, прижимая руку к груди, вынырнул, таинственного человека уже не было. Боль в груди тоже исчезла, словно всё это было лишь галлюцинацией. Он закашлялся, пытаясь выплюнуть воду, но ничего не вышло.

В стороне Байцзычжоу замерцал огонек. Е Сюаньчэ заколебался: тот дядюшка явно хотел его

убить, если он вернется...

Его руку что-то обвило. Е Сюаньчэ обернулся: Сяо Бай высунул голову из воды и, высовывая язык, смотрел на него безэмоциональными глазами, явно торопя.

Е Сюаньчэ сжал кулаки. Ладно, даже если уходить, то не так. Он собрал последние силы и поплыл вслед за Сяо Баем к берегу.

Добравшись до суши, он рухнул без сил, чувствуя, что все кости раздробились. Он покосился в сторону: Лин Сяо стояла неподалеку, безмолвная и неподвижная.

Вспомнив тот божественный силуэт, он всё понял, но не знал, что сказать, и просто лежал, слушая шум прибоя.

— Ху Инь, как думаешь, мне стоит тебя убить? — спустя долгое время тихо спросила Лин Сяо.

Е Сюаньчэ открыл глаза, но тут же снова закрыл их и усмехнулся:

— Если бы ты действительно хотела, то не отправила бы Сяо Бая за мной. — Помолчав, он осторожно добавил: — Это твой дядюшка что-то тебе сказал?

Снова тишина.

— Ничего, — Лин Сяо повернулась. — Алая огненная акула там. Если хочешь забрать позвоночник, лучше сделать это сейчас, пока плоть еще теплая, иначе мясо присохнет к костям, и сохранить скелет целиком не выйдет. — Она направилась к туше акулы.

— Эй! Я так сильно ранен, три часа бултыхался в воде, весь отек, ты даже не подойдешь помочь мне встать? — Е Сюаньчэ с обидой посмотрел на ее безразличную спину, хотя в глубине его глаз промелькнула тень. Он поплелся следом.

Они вместе прошли через многое, он не хотел сражаться с ней и играть в интриги...

Подойдя к туше, Е Сюаньчэ увидел в лунном свете, что Лин Сяо разрезает спину акулы пальцами. Несмотря на то, что акула давно мертва и ее использовали для растопки льда, жар внутри нее не остыл — пальцы Лин Сяо от трения о плоть стали ярко-красными.

Е Сюаньчэ поспешно шагнул вперед и отстранил ее руку, не сдержав гнева:

— Почему ты вечно так делаешь? Тебе что, совсем не больно? Почему всё трогаешь голыми руками!

— А чем еще пользоваться? — невозмутимо парировала Лин Сяо. Она привыкла всё делать руками, они острее любого оружия.

Е Сюаньчэ даже рассмеялся от злости. Он хотел что-то сказать, но вдруг осекся:

— Подожди.

Он отошел к голове акулы, раскрыл ей пасть с помощью флейты, выбил два самых острых зуба, завернул их в кусок ткани и сунул в руку Лин Сяо:

— Впредь не трогай ничего голыми руками. Когда я рядом, я могу перевязать, а если меня не будет? Ты ведь не видишь, если поранишься, кто тебе поможет?

Сказав это, он сам замер, а затем смущенно отвернулся и принялся разделять тушу акульими зубами. Лин Сяо глупо смотрела на зубы в своей руке, ее пальцы дрожали.

«Сяо-эр, помни: ты — единственный младший островитянин моего Байцзычжоу и наследница острова Чжэду. Твоя мать ждет тебя на острове», — слова Цзюнь Мосяо тяжелым молотом ударили по голове.

Закон Байцзычжоу: пришел — не уйдешь.

Правило острова Чжэду: чужакам вход открыт, выход — нет. Нарушишь — лишишься рук и ног!

Черные, похожие на лианы вены на руке Лин Сяо вздулись, расплзаясь до самого плеча. Она сжала акульи зубы еще сильнее.

Верно! Ей незачем ради чужака губить свои силы, незачем терять шанс увидеть мать!

Она сосредоточила всю энергию в пальцах, нащупывая точку, где бьется сердце. Один удар — и никакой боли. Этот Ху Инь — лишь кукла, которую она оставила от скуки, поиграла и выбросила. Да, именно так! То, что произошло только что — пусть будет платой за спасенную жизнь. Она сможет.

— Сяо Юй, мой отец говорил, что лучший способ защитить человека — подарить ему лучшее оружие. Ты сегодня дала мне то, что я считаю лучшим оружием, однажды и я подарю тебе нечто подобное! — Е Сюаньчэ, казалось, не замечал перемены в ней, продолжая спокойно отделять мясо.

В этот раз он решил поставить на кон их доверие. Если проиграет — значит, он умер еще в тот момент, когда приплыл на Байцзычжоу.

Он горько усмехнулся про себя: впервые в жизни он отдал инициативу в чужие руки. Когда же его сердце стало таким мягким?

— Ты чего? Я, конечно, не буду считать эту штуку подарком, я не такая мелочная. Если дарить, то что-то равное позвоночнику этой алой акулы. На, возьми это.

Е Сюаньчэ вложил ей в руку какой-то предмет:

— Это коралловый камень, я нашел его, пока был в воде. Я немного обточил его, можно использовать как шпильку. В твоём черном халате волосы вечно растрепаны, носи теперь эту шпильку. Пусть тебя здесь никто не видит, но даже если рядом никого нет, нужно уметь заботиться о себе.

Белый песок Байцзычжоу отражал чистоту полной луны. Кроме шума ветра и волн, слышался лишь тихий звук разделяваемой плоти.

— Ты говорил, что станешь моим поваром, — внезапно нарушила тишину Лин Сяо.

— Что, уже не хочешь меня отпускать?

...

— Ты сказал, что подаришь мне оружие. Как именно? — она перевела тему.

Е Сюаньчэ замер:

— Если приедешь на Южный материк — подарю.

— Я обязательно приеду. Но мы не видели лиц друг друга, как узнаем? К тому же имя Ху Инь ты выдумал.

— Твое имя тоже. Смотри, я подарил тебе коралловую шпильку, ты мне — кость акулы. В будущем по ним и узнаем друг друга, — улыбнулся Е Сюаньчэ.

— Договорились.

— Договорились.

<http://bllate.org/book/21754/2249402>